

Разговор, разумеется, было не разобрать, поэтому Цинь Фан похлопал Син Яня по плечу, и тот слегка наклонился к нему. Цинь Фан указал вперед на ту самую машину, а затем резким жестом выбросил руку вперед. Син Янь мгновенно понял его, кивнул, не снимая шлема, и прибавил газу. Весь остаток дня, до самого финиша, Цинь Фан пребывал в состоянии чистого восторга, его нервы были на пределе, а разум переполнен адреналином. Он уже давно, а может, и никогда прежде не испытывал такого абсолютного, до краев наполняющего счастья.

Мотоцикл с коляской не мог состязаться в скорости с обычными мотоциклами, а тем более с переделанными гоночными болидами, поэтому если их обгоняли другие, это было в порядке вещей, но вот позволять кому-то еще на мотоцикле с коляской обойти их было нельзя. Как только кто-то из конкурентов нагонял их сзади, Цинь Фан жестом подгонял Син Яня. Позже Син Янь приноровился: сам указывал вперед, спрашивая, можно ли обогнать, а Цинь Фан в ответ показывал ему большой палец.

Они общались жестами без малейших запинок, их взаимопонимание достигло предела. Только когда сгустились сумерки, этот участок пути остался позади, и они свернули на съезд с шоссе. В черте поселка пришлось сбавить ход. Не дожидаясь остановки, Цинь Фан снял шлем и радостно свистнул. Его лицо сияло от не угасшего возбуждения, лоб блестел от пота, а глаза светились восторгом; он не переставал улыбаться. Син Янь мельком взглянул на него, и в его глазах тоже отразилась улыбка.

Даже съехав с шоссе, они не остановились сразу, а ехали еще полчаса, видимо, пробираясь вглубь какой-то деревни. По проселочным дорогам Син Янь вел мотоцикл очень медленно, буквально катая Цинь Фана по окрестностям. Он жестом велел Цинь Фану надеть шлем, тот послушался, но стекло опускать не стал. Вокруг было так красиво — всё, на что падал взгляд, казалось прекрасным. Цинь Фан повернул голову к Син Яню: тот слегка подался вперед, спина выгнулась красивой дугой — точно маленький грациозный леопард. В глазах Цинь Фана он и окружающий пейзаж на мгновение слились в единое целое.

Наконец они остановились на пастбище, неподалеку виднелись невысокие холмы. Син Янь заглушил мотор и снял шлем. На его лбу тоже выступил пот, а из-за того, что кожа была очень светлой, казалось, будто даже глаза у него влажно блестят, хотя на самом деле это было не так. Цинь Фан достал из сумки влажную салфетку, Син Янь взял ее, развернул, приложил к лицу и протер.

— Устал, брат Янь? — с улыбкой спросил Цинь Фан.

Син Янь, закончив, поинтересовался:

— Доволен?

— Очень. — Цинь Фан рассмеялся, добавив искреннее «спасибо».

Син Янь взглянул на него, сошел с мотоцикла, вытащил ключ и бросил:

— Забирай вещи, ночуем здесь.

Это была маленькая деревня, домов совсем немного. В каждой поездке у них был заранее продуманный маршрут, места для ночлега оговорены, поэтому им предстояло расселиться по домам местных жителей. Син Янь и остальные бывали здесь раньше, это место было им знакомо. Некоторые привезли с собой палатки и собирались спать прямо на пастбище. Цинь

Фана такие мелочи не волновали: где спать и у кого — было неважно, лишь бы рядом с Син Янем.

— А малец Син всё так же хорош, — сказал кто-то из компании, когда все собрались вместе передохнуть.

Это был тот самый «старший брат», который свистел при обгоне и вечно любил подшучивать. Син Янь лишь улыбнулся ему в ответ, ничего не сказав. Дружелюбный мужчина поприветствовал и Цинь Фана, тот кивнул в ответ.

— Ну как тебе? — спросил его мужчина.

— Здорово, — ответил Цинь Фан.

— В следующий раз пусть берет тебя на мотоцикле, — мужчина указал на Син Яня и рассмеялся. — Это круче, чем на такой коляске, нам за ним тогда вообще не угнаться.

Обедали в закусочной у озера. Цинь Фан даже не разобрал, вкусной ли была еда: нервы все еще были напряжены, аппетита не было, поэтому он лишь немного поклевал и отложил палочки. Син Янь тихо спросил его:

— Почему не ешь?

— Не голоден, — негромко ответил Цинь Фан.

Син Янь посмотрел на него:

— Укачало?

— Нет, — Цинь Фан покачал головой. — Никакого дискомфорта, просто есть не хочу.

Син Янь успокоился и больше не настаивал. Он выпил немного с остальными — вся их компания жила только мотоциклами, и разговоры велись исключительно об этом. Цинь Фан мало что понимал, но это не мешало ему получать удовольствие: нравилось само занятие, нравились эти люди. В компании были люди разного возраста, большинство знали друг друга давно, но к новичкам относились тепло и открыто. У них было какое-то естественное взаимопонимание, без всякой натужности. Это было куда приятнее, чем слушать «золотую молодежь», обсуждающую спорткары. Единственным минусом было то, что некоторые говорили с очень сильным акцентом.

Кто-то предложил Цинь Фану выпить, но он, улыбаясь, покачал головой:

— Я не пью, слабый до этого дела.

— Тогда не пей, — вмешался Пятый брат. — Главное, чтобы отдых был в радость, насильно поить не станем.

Цинь Фан поднял бокал в знак признательности и сделал глоток чая. Син Янь тоже пил мало, почти не захмелев. После еды он предложил:

— Я пройдуся, подышу воздухом. Пойдешь?

— Пойду. — Цинь Фан поднялся следом.

В горах было много комаров, поэтому оба они были в куртках — в той же длинной одежде, что и днем. Комары так и лезли в лицо. Цинь Фан отмахнулся и невзначай спросил:

— Ты, должно быть, приманка для комаров, да?

— Вроде того, — Син Янь приподнял бровь. — А с чего ты взял?

Цинь Фан рассмеялся:

— Кожа-то светлая.

Син Янь покачал головой:

— Что за логика?

— Слышал, что у людей со светлой кожей кровь сладкая, — Цинь Фан, спрятав руки в карманы, медленно шел рядом с Син Янем. — Или, может, вы просто заметнее?

Син Янь не сдержал усмешки:

— Не говори чепухи.

Они не знали, что ждет их впереди, и не думали о цели. Каждое утро Цинь Фан просыпался по зову Син Яня, собирался и садился к нему в коляску. Куда они едут, как далеко — Цинь Фан не задавал вопросов, а Син Янь не спешил объяснять. Цинь Фан чувствовал себя туристом, которого ведут за руку с завязанными глазами: он доверял ситуации и наслаждался каждым километром пути. Этого было достаточно.

Цинь Фан умел сходитья с людьми, в любой компании чувствовал себя как рыба в воде. За несколько дней он перезнакомился со всеми, вместе с ними ел, болтал, шутил и стал своим. Если Син Янь был человеком закрытым, то Цинь Фан «заводился» мгновенно. Иногда Син Янь слушал, как Цинь Фан беседует с остальными, и не мог сдержать улыбки — Цинь Фан действительно сильно отличался от всех его знакомых сверстников.

Днем они вместе впитывали величие мира на дорогах, а по ночам падали спать там, где придется, — и каждый миг был наполнен счастьем. Они забирались всё дальше и дальше, пока окончательно не остановились в горах. Это была их последняя точка, завтра начинался путь назад по другому маршруту. В эту ночь все должны были спать в палатках — настоящая походная жизнь.

Десяток палаток стояли рядом: где-то спали по двое-трое, кто-то в одиночку. По пути Цинь Фан купил кучу репеллентов и раздал остальным, да и они с Син Янем щедро полились ими. Стесняясь, он даже втихаря накупил браслетов от комаров и теперь в палатке украдкой пытался приладить их себе и Син Яню на запястья и щиколотки.

— Сколько тебе лет? — Син Янь сидел, подогнув ноги, и наблюдал, как Цинь Фан закатывает ему штанину, чтобы закрепить браслет.

— Мой младший брат каждый год их носит, — Цинь Фан, склонив голову, довольно улыбался. — На детей точно действует, не знаю, как на нас с тобой.

Оба они перед этим по очереди искупались в ледяной горной речке, и одежда на них еще не просохла до конца. Застегнув браслет на ногу Син Яня, Цинь Фан опустил штанину и со

значением добавил:

— Ничего страшного, снаружи не видно, на твой имидж не повлияет.

— Иди ты, — буркнул Син Янь, хотя на лице его играла легкая улыбка, и он шутливо метнул в плечо Цинь Фана скомканную салфетку.

В такую ночь сидеть в палатке было просто грешно. Цинь Фан вытащил коврик, и они улеглись прямо под открытым небом. Вокруг стрекотали насекомые, в траве перекликались птицы, над головой расстилалось бескрайнее звездное небо. Неподалеку несколько мужчин поставили фонарик и резались в карты, другие группками о чем-то тихо переговаривались.

Цинь Фан подложил одну руку под голову, вторую положил на живот и блаженно смотрел вверх. Воздух был чистым и прохладным, изредка набегал ветерок — в городе такой свежести не встретишь.

— Черт, — вдруг вспомнил Цинь Фан и обратился к Син Яню. — Я же забыл пофоткать.

— Зачем тебе фотки? — лениво отозвался тот.

— Сяо Гун просил поснимать, он хотел выложить в Weibo, — Цинь Фан выудил телефон, проверил. — У меня ни одного кадра.

— Да брось, — ответил Син Янь. — Я и сам не люблю снимать.

Цинь Фан улыбнулся:

— Ну, на обратном пути сделаю пару снимков для него.

Они знали друг друга уже довольно долго, но никогда не говорили ни о чем серьезном, ограничиваясь пустой болтовней. Однако эти несколько дней дороги невероятно сблизили их, по крайней мере, Цинь Фан чувствовал это именно так — они стали по-настоящему близки. Цинь Фан повернул голову к Син Яню: тот подложил под голову сумку Цинь Фана и бездумно крутил в руках тонкую травинку.

<http://bllate.org/book/18141/1744607>